

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВРАЧА И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ: С.П. КОЛОМНИН

С.И. Зенкевич

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Библиотека Российской академии наук (БАН)», Санкт-Петербург, Россия
Федеральное государственное учреждение науки «Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН», Санкт-Петербург, Россия*

Зенкевич Светлана Игоревна — кандидат филологических наук, научный сотрудник ФГБУН «Библиотека Российской академии наук (БАН)», научный сотрудник ФГБУН «Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН».

Контактная информация: ФГБУН «Библиотека Российской академии наук (БАН)», В.О., Биржевая линия, д. 1, Санкт-Петербург, Россия, 199034. E-mail: s.zenkevich@gmail.com (Зенкевич Светлана Игоревна).

Резюме

В статье на материале газетных публикаций конца 1886 г. рассматривается реакция общества на самоубийство известного хирурга профессора С.П. Коломнина.

Ключевые слова: С.П. Коломнин, самоубийство, врачебная ошибка, публицистика, общественное мнение.

THE DOCTOR'S RESPONSIBILITY AND PUBLIC OPINION: S.P. KOLOMNIN

S.I. Zenkevich

Russian Academy of Sciences Library (BAN)

Corresponding author: Russian Academy of Sciences Library (BAN), V.O., 1 Birzhevaya line, St. Petersburg, Russia, 199034. E-mail: s.zenkevich@gmail.com (Svetlana I. Zenkevich — PhD, researcher in the Academy of Sciences Library (BAN), researcher in the RAS Institute for the History of Science and Technology named after S.I. Vavilov, Saint-Petersburg Branch).

Abstract

This article, based on Russian newspapers and magazines of the end of 1886, considers the suicide of the well-known surgeon professor S.P. Kolomnin and the social reaction to it.

Keywords: S.P. Kolomnin, suicide, medical error, journalism, public opinion.

Статья поступила в редакцию 04.05.14 и принята к печати 19.05.14.

11 (23) ноября 1886 г. покончил с собой Сергей Петрович Коломнин, 42-летний ординарный профессор Императорской Военно-медицинской академии по кафедре Академической хирургической клиники. Коломнин был хорошо известен в профессиональном сообществе: в возглавлявшейся им клинике он успешно делал более ста разноо-

бразных операций в год [1], разрабатывал новые методы в хирургии (такие, как способ перевязки наружной сонной артерии), вел активную педагогическую и организационную работу в Академии. Его самоубийство всколыхнуло как медицинскую, так и далекую от медицины общественность; об этой реакции и пойдет речь. В основу статьи

положены датированные концом 1886 г. публикации в периодических изданиях — массовых и специальных. Не только медики, потрясенные последним шагом коллеги, но и те, кто узнал имя профессора лишь после рокового выстрела (в отличие от Н.И. Пирогова и С.П. Боткина, Коломнин общественным деятелем не являлся и широкой публике знаком не был), попытались осмыслить эту безвременную смерть.

Пресса, как это обычно и бывает, сразу же отозвалась на трагическое событие. На следующий день после смерти Коломнина, 12 (24) ноября¹, известный журналист и издатель А.С. Суворин, который знал хирурга лично (и типографией которого заведовал брат покойного П.П. Коломнин), поместил на первой странице своей газеты «Новое время» большой некролог. В нем, при полном сочувствии достойнейшему человеку, уход которого расценивался как огромная потеря для науки и для общества, были преданы огласке подробности трагедии. Оказалось, что к последнему шагу врача подтолкнула недавняя смерть прооперированной им молодой женщины, пациентки его клиники. Коломнин всецело винил в этом себя и не вынес упреков совести — возможно, еще и потому, что хирурги нередко становятся жертвами поспешного и не всегда компетентного людского суда. По мнению автора некролога, Коломнин, действовавший обдуманно и хладнокровно, «произнес над собою, как над хирургом, жестокий, страшный, несправедливый суд, но никто не откажет ему в высоком и благородном порыве, под влиянием которого он заносил над собою руку» [2].

Итак, по мнению «родственной» погибшему газеты, всему виной была врачебная ошибка. Эту версию приняли; внимание общества немалой частью переключилось на обстоятельства неудачной операции. Самоубийство Коломнина стали рассматривать прежде всего в этическом ракурсе: вот человек, который не смог жить с ощущением вины, в то время как, по словам автора некролога, существует столько «лазеек» для оправдания непростительных людских поступков...

На следующий день, 13 (25) ноября, «Новое время» обнародовало новые детали. Тогда же появилось и первое сообщение в медицинском издании — еженедельной газете профессора Военно-медицинской академии В.А. Манассеина «Врач». Маленькая заметка на последней странице гласила: «Настоящий номер был уже набран, когда пришла гнетущая весть, что всеми уважаемый профессор

хирургической клиники в Академии — С.П. Коломнин — застрелился. <...> Причина, побудившая его на самоубийство, — несчастная случайность: больная, которой он хотел произвести операцию в прямой кишке под кокаином, умерла от кокаинного отравления» [3].

Редакция газеты для медиков охарактеризовала врачебную ошибку как случайную и пролила свет на причину смерти пациентки Коломнина: не операция, а анестезия (об этом речь шла и в «Новом времени» от того же числа). Вместе с тем некоторые фразы заметки были истолкованы неоднозначно, что породило цепь неясностей. Так, со ссылкой на это сообщение корреспондент «Новостей» в рубрике «О чём говорят» предположил, что даже сами врачи, видимо, не знают наверняка, была ли операция: «Хотел произвести — значит, не произвел» [4]. Обозреватель «Петербургской газеты» ополчился на это предположение и дважды назвал его автора «метафизиком», упрекнув в отсутствии логики [5] (возможно, он не только интересовался нашумевшим делом, но и выяснял личные отношения с редакцией). Со стороны газеты «Врач» также последовало опровержение «Новостям» [6]. Однако и сотрудник «Санкт-Петербургских ведомостей» Н. Морской в нескольких номерах высказывал то же сомнение в самом факте операции.

Ситуацию обострило открытое письмо в редакцию «Новостей» под названием «Две смерти», с которым от имени мужа покойной выступил некто Ф.Д. Селецкий. По его сведениям, до операции дело не дошло, так как пациентка (он называет ее имя — Елизавета Александровна Ш., жена офицера) умерла от передозировки кокаина. Представитель стороны погибшей стал обвинять врачей — «так сказать, светил науки», которые сначала убедили практически здоровую женщину, в конце октября поступившую в клинику с незначительной язвой, согласиться на операцию, а затем своими действиями убили (так, по словам Селецкого, говорил «чуть ли не каждый служитель в клинике, многие студенты» [7]).

Эта публикация никого не оставила равнодушным. Эмоции убитых горем родных и близких бедной женщины, конечно, были понятны. Тем не менее автору явно изменило чувство меры. Медики, в том числе присутствовавшие при операции студенты Коломнина и его ассистент, на следующий день, 15 (27) ноября, в опубликованном теми же «Новостями» открытом письме возмутились попыткой бездоказательно бросить тень на известного хирурга и всю Военно-медицинскую академию в целом и пообещали скорейшее разъяснение обстоятельств.

¹ Даты приводятся по старому стилю, а в скобках — по новому, в соответствии с газетными нормами конца XIX в.

Разбирательства в печати, была ли сделана операция, повлекли за собой вопрос о том, насколько именно Коломнин был виноват в смерти несчастной Шуляковской (ее фамилию, деликатно скрытую Селецким, вскоре обнародовали в газетах). Стало ясно, что нужен подробный научный комментарий со стороны врачей — одних журналистских рассуждений и открытых писем было уже недостаточно. Стали появляться воспоминания тех, кто знал покойного и мог охарактеризовать его личность. Одним из первых о непросто профессиональном пути Коломнина заговорил профессор В.И. Модестов. Он вспомнил, как в Киевском университете, где Коломнин работал в 1872–1876 гг., одаренного петербургского врача открыто травили, что не способствовало развитию у него ощущения профессиональной сплоченности и поддержки, так необходимого молодому специалисту, и, напротив, могло вызвать замкнутость и пессимизм [8].

Между тем студенты Военно-медицинской академии несли круглосуточное дежурство у гроба, выставленного в квартире покойного; там же служились панихиды. Похороны Коломнина, состоявшиеся 15 (27) ноября, стали значительным событием общественной жизни столицы и были подробно освещены в газетах. Гроб на руках несли от Военно-медицинской академии до Новодевичьего кладбища; огромная траурная процессия постоянно увеличивалась, так что было даже остановлено движение экипажей и конно-железной дороги. Проститься с покойным пришли люди, которые неделей ранее о нем даже не знали, однако до глубины души были потрясены его последним шагом. Присутствовали и многочисленные пациенты: так, журналисты заметили только что выписавшегося из академической клиники пятилетнего мальчика на костылях, прооперированного Коломниным... Коллеги и ученики, ошеломленные случившейся бедой, в один голос говорили, что виной всему не ошибка врача, а трагическая случайность; обвинить же покойного хирурга можно лишь в том, что он больше не сможет служить людям. Глубоко прочувствованные речи над могилой Коломнина были опубликованы в журнале «Международная клиника» (а затем и отдельной брошюрой). Здесь в предисловии от редакции эмоционально говорится о том, что покойный «был человек» (лейтмотив всех надгробных речей), но «слишком идеализировал понятие о долге “человека”, а будучи непомерно строгим к самому себе, он помнил, прежде всего, что он “врач”, и забыл, что, помогая страждущим, он является представителем науки незаконченной, а следовательно, неизбежной от ошибок» [9]. Выступавшие на похоронах понемногу стали склоняться

к тому, что смерть пациентки — повод, причина же самоубийства глубже — в моральных качествах Коломнина, в его непреодолимом перфекционизме.

Долгожданный подробный медицинский комментарий дал профессор Военно-медицинской академии С.П. Боткин, очень уважавший покойного коллегу. 20 ноября (2 декабря) 1886 г. увидел свет очередной выпуск «Еженедельной клинической газеты» Боткина, посвященный Коломнину. Здесь был представлен список его трудов, рассказывается о его педагогической деятельности, а также, в pendant к воспоминаниям Модестова, шла речь о препятствиях, с которыми пришлось столкнуться покойному на профессиональном поприще и которые не позволили ему в свое время достичь карьерных успехов в Киеве, а следовательно, вольно или невольно развили в нем недоверие к людям и пессимизм. В некрологе, написанном А.А. Трояновым, речь идет о необыкновенных человеческих качествах Коломнина: «Неутомимость в постоянном труде, неустанное стремление к истине не только в сфере научной, но и обыденной жизни, безусловная справедливость всегда и во всем, доходящая до необычайной строгости в отношении к себе, чуткая отзывчивость к животрепещущим запросам врачебного дела, — вот те характерные черты, которыми обрисовывается симпатичная личность покойного Сергея Петровича» [10]. В этом некрологе, как и в большинстве материалов о Коломнине, вырисовывается всё тот же портрет перфекциониста.

В тот же день, 20 ноября (2 декабря), состоялось выступление Боткина на торжественном заседании Общества русских врачей в память Пирогова. (По иронии судьбы годом ранее, в ноябре 1885 г., Коломнин сделал на заседании Общества, в которое входил и сам, блестящий доклад на тему военно-полевой хирургии. Этот доклад был опубликован в декабре 1886 г., посмертно, в газете Боткина в виде большой статьи «Сравнительный очерк действия на организм различных пуль».) Это заседание, учитывая интерес широкой публики к случившемуся, сделали открытым, а вступительную речь на следующий же день пересказали и прокомментировали крупные газеты. По свидетельству Боткина, Коломнин диагностировал у поступившей к нему в клинику женщины туберкулезную язву в прямой кишке и провел операцию, по медицинским показаниям используя для анестезии не хлороформ, а кокаин. Когда же пациентка после прекрасно проведенной операции умерла от асфиксии, то, как официально заявил Боткин, оказалось, что изначальный диагноз ошибочен и в операции не было необходимости; причина же смерти, как показало вскрытие, — только отравление кокаином. Ошибка

в диагнозе и стала причиной душевных терзаний Коломнина, усиленных, как подчеркнул Боткин, одиночеством, усталостью от постоянной работы и давним состоянием нервного расстройства (за ошибку в анестезии покойный себя ответственным не считал) [11].

Вскоре прозвучало еще одно веское медицинское слово, услышанное не только врачами, но и всей читающей публикой. 23 ноября (5 декабря) 1886 г. состоялось торжественное соединенное заседание Русского хирургического общества Пирогова и Санкт-Петербургского медицинского общества. Его, после панихиды, открыл профессор Н.Ф. Здекауер. Председатель привел мнение Н.И. Пирогова — высшего авторитета в хирургии для Коломнина — относительно того, как врач должен относиться к своим обязанностям и ошибкам, датированное 1837 годом, когда великий медик был директором Дерптской хирургической клиники, и опубликованное в продолжающемся издании “*Annalen der chirurgischen Klinik in Dorpat vom April 1836 bis April 1837*”. «Я считаю священной обязанностью добросовестного преподавателя, — писал Пирогов в предисловии, — непременно обнародовать свои ошибки и их последствия, для предостережения и назидания других, еще менее опытных, от подобных заблуждений. Я думаю, что молодые врачи должны прочитывать не одни классические сочинения великих мастеров нашего искусства, которым они уже потому подражать не в состоянии, что великое искусство их есть плод долговременной опытности. <...> Правдивое изложение его действий, хотя бы и ошибочных, укажет на механизм самых ошибок и на возможность избежать их повторения, по крайней мере, там, где это достижимо» [12]. С опорой на опыт Пирогова оратор поставил вопрос воспитательного значения ошибок для всей медицинской корпорации и для общества в целом. Однако эту цитату в связи с Коломниным Здекауер, судя по всему, привел не случайно. Покойный профессор, со всем тщанием проводивший операции (как правило, в присутствии студентов) не оставлял себе никакого права на ошибку и к этой ошибке в, казалось бы, не самом сложном случае, на глазах у молодых коллег, возможно, совсем не был готов.

Заседание продолжил А.В. Якобсон, ассистент покойного и бывший прозектор при его кафедре. Он посвятил свое выступление трудностям и несчастьям в хирургии. Как и Боткин, Якобсон сделал акцент на склонность Коломнина к пессимизму и на необходимость для врача, у которого по степени ответственности каждый день — как военное время, поддержки со стороны коллег. «Будем продолжать

наши труды, — подвел итог Якобсон, — сильные сознанием того, что все наши действия как врачей направлены на благо и спасение жизни людей. Если же в энергических и благородных усилиях, направленных на спасение ближнего, постигло бы нас несчастье, то мы имеем право рассчитывать на сочувствие и утешение. Судить нас только за то, что самоотвержение наше не привело к успеху, — безнравственно. Но чтобы сознание этого твердо вкоренилось в обществе — необходимо, чтоб врач прежде всего имел поддержку и получал нравственное удовлетворение от своих же товарищей» [13]. Говоря о корпоративной солидарности, Якобсон с горечью заметил, что медицинское сообщество слишком поздно осознало, как тяжело было пользовавшемуся безукоризненной репутацией известному врачу (к тому же лишенному и семейной поддержки): ведь ему не оказали так нужную ему самому помощь.

Несколькими годами позже именно об «упадке коллективного духа» как о глубинной причине роста самоубийств скажет младший современник Коломнина, французский социолог Э. Дюркгейм, в своей знаменитой работе 1897 г. на эту тему [14].

Таким образом, самоубийство врача, которое вначале рассматривалось в фокусе этических проблем — врачебных ошибок и чувства вины, усиливающегося в результате суда непосвященных (также встал вопрос о журналистской этике), — было проанализировано и с психологической точки зрения. Ретроспективно все, кто знал главного героя этой трагедии, разглядели его тяжелую депрессию и даже по возможности проследили ее генезис. Депрессия была связана и с личностными качествами хирурга, и с усталостью от напряженной работы, и с условиями его жизни. Смерть пациентки явилась окончательным толчком к роковому шагу. Далее же общественная мысль вполне закономерно пришла к социологическим выводам о профессиональной разобщенности как подоплеке самоубийства и о необходимости эту разобщенность преодолеть.

Литература

1. Ландшевский А. Исторический очерк Кафедры академической хирургической клиники Императорской военно-медицинской (бывшей Императорской медико-хирургической) академии (1798–1898 гг.). — СПб., 1898. — С. 237–239.
2. С.П. Коломнин. Некролог // Новое время. — 1886. — № 3846. — 12 (24) ноября. — С. 1.
3. Врач. — 1886. — № 46. — 13 (25) ноября. — С. 836.
4. Новости и Биржевая газета. — 1886. — № 317. — 17 (30) ноября. — С. 2.
5. Петербургская газета. — 1886. — № 318. — 19 ноября. — С. 2; № 321. — 22 ноября. — С. 2.

6. Врач. — 1886. — № 47. — 20 ноября (2 декабря). — С. 850.
7. *Селецкий Ф.Д.* Две смерти (Письмо в редакцию) // Новости и Биржевая газета. — 1886. — № 314. — 14 (26) ноября. — С. 2.
8. *Модестов В.* По поводу смерти С.П. Коломнина // Новости и Биржевая газета. — 1886. — № 314. — 14 (26) ноября. — С. 2.
9. Международная клиника. — 1886. — № 11. — С. 1–2.
10. *Троянов А.А.* Некролог. Профессор С.П. Коломнин // Еженедельная клиническая газета. — 1886. — № 32. — 20 ноября (2 декабря). — С. 630.
11. Новое время. — 1886. — № 3855. — 21 ноября (3 декабря). — С. 2.
12. Протоколы и труды Русского хирургического общества Пирогова за 1885 и 1886 гг. / Под ред. д-ра медицины А.Л. Эбермана. — Год IV. — СПб., 1886. — С. 26.
13. *Якобсон А.В.* По поводу смерти С.П. Коломнина // Русская медицина. — 1886. — № 44. — 30 ноября (12 декабря). — С. 751.
14. *Дюркгейм Э.* Самоубийство: Социологический этюд. — М.: Мысль, 1994. — С. 391.